

Прикладная эконометрика, 2026, т. 82, с. 86–104.

Applied Econometrics, 2026, v. 82, pp. 86–104.

DOI: 10.22394/1993-7601-2026-82-86-104

EDN: PGCQSC

О.А. Родина¹

«Штраф за материнство»: влияние возраста рождения первого ребенка на заработную плату женщин

В статье изучается связь между возрастом рождения первенца и величиной «штрафа за материнство» в заработной плате. Панельная регрессия с фиксированными эффектами построена на данных Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения (волны с 2006 по 2022 г.). В результате исследования выявлено, что рождение ребенка приводит к снижению заработной платы на 13.8%. Максимальная разница наблюдается среди родивших первенца в возрасте от 25 до 30 лет (17%), при рождении ребенка до 25 лет она составляет 7%, после 30 лет — 11.7%.

Ключевые слова: штраф за материнство; возраст рождения первенца; занятость женщин с детьми; заработная плата женщин; РМЭЗ НИУ ВШЭ.

JEL classification: J13; J31.

1. Введение

Многочисленные исследования показывают, что женщины с детьми при прочих равных характеристиках (уровне образования, возрасте, квалификации и т.д.) имеют значимо меньшую заработную плату, чем женщины без детей (Grimshaw, Rubery 2015). Эта разница в доходах называется «штрафом за материнство», и в разных странах она может составлять от 4 до 23% (там же).

Предыдущие исследования находили доказательства существования «штрафа за материнство» и в России, даже в условиях высокого уровня женской занятости (Колесник и др., 2021): в начале 2000-х он составил порядка 8% (Ниворожкина и др., 2007; Арженовский, Артамонова, 2007), а в середине 2010-х — 4% (Бирюкова, Макаренцева, 2017).

Однако возрастная модель рождаемости в России меняется — растет средний возраст матери как при рождении первого ребенка (рис. 1), так и всех очередностей, наблюдаются и другие маркеры Второго демографического перехода (увеличение среднего возраста вступления в первый брак, доли внебрачных рождений и распространение сожительства) (Захаров, 2023). Широкое распространение современных средств контрацепции позволяет женщинам планировать не только число детей, но и время (соответственно, и возраст) их появления. В противовес наблюдаемым тенденциям, в российском политическом поле постоянно возникают инициативы по стимулированию омоложения первых рождений².

¹ Родина Ольга Алексеевна — НИУ ВШЭ, Москва; oarodina@hse.ru.

² См. <https://tass.ru/obschestvo/20878317>, <https://www.kommersant.ru/doc/7585687>.

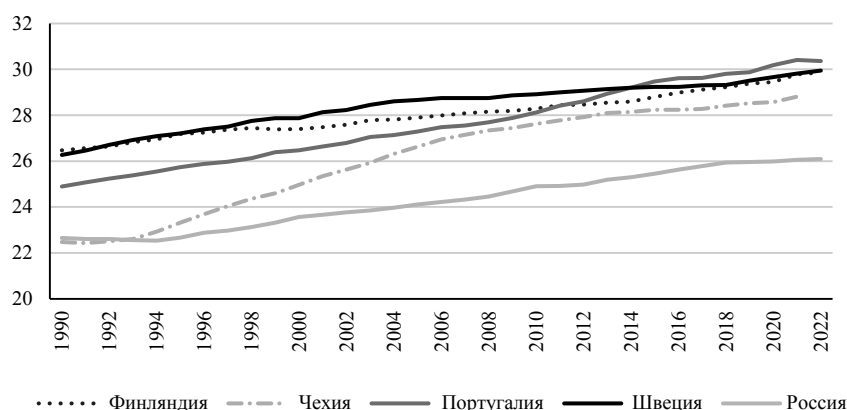


Рис. 1. Динамика среднего возраста матери при рождении первого ребенка в России и некоторых странах Европы, 1990–2022 гг.

Исследования на американских данных подтверждают, что более поздняя реализация первых рождений сопрягается с меньшими потерями в заработной плате по сравнению с ранними первыми рождениями (Blackburn et al., 1993). В частности, женщины с высшим образованием при рождении первого ребенка после 30 лет имеют даже большую заработную плату, чем бездетные женщины (Amuedo-Dorantes, Kimmel, 2005). Автор настоящей статьи также полагает, что более позднее рождение первенца в России будет вызывать меньшие потери в заработной плате. Однако на российских данных, насколько известно, такая связь не проверялась.

Таким образом, целью настоящего исследования является изучение влияния возраста рождения первенца на величину «штрафа за материнство» в заработной плате в России.

2. Факторы, определяющие размер штрафа за материнство

Существует несколько подходов к объяснению возникновения «штрафа за материнство», начиная от теории человеческого капитала (Becker, 1985) до прямой дискриминации со стороны работодателей (Mincer, Polachek, 1974). Согласно первой, заработная плата женщин с детьми ниже, поскольку они меньше инвестируют в собственный человеческий капитал (Becker, 1985). Матери проводят больше времени вне рынка труда, теряя при этом не только трудовой стаж, но и навыки, что приводит к обесцениванию полученного ранее опыта и знаний (Mincer, Polachek, 1974; Waldfogel, 1997).

Помимо этого, на возникновение штрафа за материнство может влиять и меньшая продуктивность труда женщин с детьми (Pettit, Hook, 2005; Kalist, 2007), отсутствие инвестиций в услуги по уходу за детьми (Self, 2005). Некоторые исследователи утверждают, что разница в заработных платах возникает из-за «самоотбора в материнство» (Gough, Noonan, 2013). Этот самоотбор состоит в том, что женщины, которые изначально видели себя, прежде всего, в роли матери, могли ориентироваться именно на такой жизненный сценарий при выборе работы и организовать свою занятость в рамках должности менее оплачиваемой, но более приспособленной для совмещения с материнством. Некоторые панельные исследования подтверждают эту концепцию — разница в заработках матерей и не матерей

наблюдалась еще до рождения ребенка первыми (Lundberg, Rose, 2000). Систематические обзоры литературы подробнее фокусируются на объяснении возникновения «штрафа за материнство» (Grimshaw, Rubery, 2015; Kalabikhina et al., 2024).

В качестве главных признаков, определяющих разницу в «штрафе», обычно выделяют:

- характеристики, относящиеся к рождению ребенка (возраст при рождении первого ребенка, число детей, возраст детей);
- социально-демографические характеристики (образование, брачный статус);
- характеристики занятости (полная или частичная, отрасль, уровень квалификации и др.) (Grimshaw, Rubery, 2015).

Исследования подтверждают, что откладывание рождения первого ребенка ассоциировано с более высокими заработными платами матерей, чем у тех, у кого было более раннее первое рождение (Blackburn et al., 1993). Так, каждый год переноса рождения ребенка добавляет матерям около 3% к средней заработной плате (Miller, 2011). При этом для женщин с высшим образованием может наблюдаться даже «премия» за материнство (порядка 21%) при рождении первого ребенка после 30 лет (Amuedo-Dorantes, Kimmel, 2005), хотя для женщин с более низким уровнем образования откладывание рождения на возраст старше 30 не уменьшает потери в заработной плате (Doren, 2019).

При этом не все матери имеют одинаковые шансы поздних первых рождений. Женщины с более высоким уровнем образования и большим стажем работы чаще откладывают рождение первого ребенка (Gordo, 2009). Само получение высшего образования ведет к более позднему первому рождению хотя бы потому, что сдвигает другие события жизненного пути — выход на работу и получение финансовой независимости, создание партнерства (Neelset et al., 2017). Женщины с низким собственным социально-экономическим статусом и низким социально-экономическим статусом родителей имеют более высокие шансы раннего первого рождения, а женщины с высоким социально-экономическим статусом (независимо от статуса родителей) — более высокие шансы первого рождения после 35 лет (Van Roode et al., 2017).

Относительно влияния числа детей на разрыв в заработной плате результаты исследований достаточно стабильны — чем больше у женщины детей, тем сильнее отрицательный эффект на заработную плату (Grimshaw, Rubery, 2015). Например, в США каждый следующий ребенок сокращает заработную плату на 5% (Budig, England, 2001). При этом наибольшее влияние рождение ребенка оказывает на матерей в молодых возрастах, а по мере взросления детей, к 40–50 годам матери разница в заработках и занятости матерей и бездетных женщин может исчезнуть (Kahn et al., 2014). В России «штраф за материнство» наблюдается в течение как минимум 5 лет после рождения ребенка (Lebedinski et al., 2023).

Высокий уровень образования женщины может привести как к росту «штрафа за материнство», так и к его падению. С одной стороны, высшее образование может позволять женщинам быть более автономными в определении рабочего времени, места выполнения работы (например, удаленно), т.е. облегчать миссию по совмещению работы и семьи и сохранению производительности труда (Anderson et al., 2003). Помимо этого, высшее образование обеспечивает более высокую заработную плату, открывая возможности для делегирования обязанностей по уходу за детьми и домом.

С другой стороны, высокообразованные женщины чаще работают на руководящих должностях, требующих большой трудовой отдачи и усложняющих задачу совмещения карьеры и материнства. Кроме того, они чаще выходят замуж за супругов также с высоким достатком и высоким уровнем образования, что позволяет им не спешить с выходом на рынок труда

после рождения ребенка (Anderson et al., 2003; Wilde et al., 2010). Эти факторы потенциально увеличивают «штраф за материнство» для женщин с высшим образованием.

Результаты эмпирических исследований подтверждают неоднозначность этой взаимосвязи — некоторые работы не находят влияния уровня образования на «штраф» в принципе или показывают, что высокообразованные женщины после рождения ребенка теряют больше, чем менее образованные (Wilde et al., 2010), другие же обнаруживают «премию за материнство» для женщин с высшим образованием (Amuedo-Dorantes, Kimmel, 2005).

Образование тесно связано с уровнем квалификации женщин, который измеряется с помощью тестов на когнитивные навыки и также является предметом интереса исследователей. Так, высококвалифицированные женщины сталкиваются с более внушительными потерями в заработной плате при рождении ребенка (порядка 21–33% пожизненного заработка), чем неквалифицированные женщины, которые теряют 10–14% заработка (Wilde et al., 2010). Это связано с тем, что заработная плата женщин с низкой квалификацией ниже и растет медленнее, чем у женщин с высокой квалификацией, даже до материнства, что позволяет им меньше терять в заработке после рождения ребенка.

Считается, что «штраф за материнство» для замужних женщин больше, поскольку у них выше шансы оставить рынок труда и сконцентрироваться на уходе за детьми и ведении домашнего хозяйства, рассчитывая на доход мужа. Некоторые исследования действительно нашли этому эмпирические доказательства (Budig, England, 2001; Budig, Hodges, 2010), хотя существуют и противоречащие этому результаты, не обнаружившие статически значимых различий в штрафе за материнство в зависимости от брачного статуса женщины (Killewald, Gough, 2013; Taniguchi, 1999; Wilde et al., 2010). Российские исследования показывают, что изменение брачного статуса ведет к потерям в заработной плате женщин (Родионова, 2013).

Значимое влияние характеристик занятости на размер «штрафа за материнство» (в частности, для стажа работы) было обнаружено лишь в части работ (Budig, England, 2001). Однако отмечается важность включения этих показателей в модели в качестве контрольных. По отраслям занятости наблюдается дифференциация «штрафа»: занятость в сферах, где преобладают мужчины, особенно на управленческих позициях, снижает разницу в зарплатах матерей и бездетных женщин (Glauber, 2012; Budig, England, 2001).

Контекстуальные факторы, такие как особенности социальной политики, институциональное устройство государства, определяют возможности совмещения ухода за ребенком и карьеры, сохранения трудового стажа и, так или иначе, влияют на размер «штрафа за материнство» (Budig et al., 2016). Обычно изучается влияние уровня и структуры занятости женщин (Budig et al., 2012; Duivivier, Narcy, 2015), доступность и продолжительность отпусков по уходу за ребенком (Keck, Saraceno, 2013; Evertsson, Duvander, 2011; Kenworthy, 2008). В контексте настоящего исследования важно понимать, что в России по сравнению с другими странами наблюдается высокий уровень женской занятости (Колесник и др., 2021) и продолжительный по международным меркам (3 года) отпуск по уходу за ребенком (Калабихина, Кузнецова, 2022).

Таким образом, ожидается, что более поздний возраст рождения первого ребенка будет ассоциирован с меньшим штрафом за материнство. Другие факторы, такие как образование, характеристики занятости, также могут дифференцировать наблюдаемую разницу в заработной плате между бездетными женщинами и женщинами с детьми, однако этот вопрос остается вне фокуса данной статьи. Социально-демографические характеристики будут включены в анализ в качестве контрольных.

3. Данные и методы

Эмпирическая часть исследования основывается на панельных данных РМЭЗ НИУ ВШЭ³, включающих волны с 2006 по 2022 г. В анализ включались бездетные женщины и женщины с детьми (старший ребенок которых не старше 18 лет) в возрасте 20–44 года. Женщины с 20 лет включаются в выборку, поскольку возраст от 20 до 24 лет сопряжен с окончанием периода обучения и выходом на рынок труда. Выбор верхней границы возраста обусловлен тем, в возрасте 45–49 лет лишь у 25% всех женщин есть дети младше 18 лет, а для возраста 50–54 — у 10%. Ограничения выборки по возрасту ребенка необходимы потому, что «штраф за материнство» зависит от возраста ребенка и ослабляется со временем (Lebedinski et al., 2023). Они также связаны с тем, что с окончанием школы и совершеннолетием значительно увеличивается вероятность для ребенка покинуть домохозяйство. В качестве зависимой переменной использовался ответ на вопрос о трудовом доходе (после вычета налогов) по основному месту работы за последний месяц. Данные о величине заработной платы были приведены к ценам 2022 г. с учетом индекса потребительских цен (ИПЦ), рассчитанным Росстатом. Всего в выборку было включено 36967 наблюдений, которые относятся к 8309 женщинам, при этом панель получилась несбалансированная, женщина могла попасть в выборку от 2 до 17 раз.

Для анализа влияния статуса материнства на размер заработной платы была выбрана логлинейная регрессия с фиксированными эффектами. Стандартные ошибки оценены методом, робастным к гетероскедастичности и кластерной корреляции. Выбор в пользу модели с фиксированными эффектами сделан после построения сквозной регрессии, затем панельной регрессии со случайными эффектами, затем с фиксированными эффектами. Тесты Вальда и Бреуша–Пагана показали, что модель как с фиксированными, так и со случайными эффектами предпочтительнее сквозной регрессии, а тест Хаусмана позволил сделать вывод о необходимости использования первой из них.

Панельная регрессия с фиксированными эффектами достаточно широко применяется при решении подобных задач, поскольку включенные контрольные переменные и ненаблюдаемые фиксированные эффекты позволяют учесть влияние (само)отбора в материнство на оценки коэффициентов при переменных, относящихся к характеристике рождения ребенка (Grimshaw, Rubery, 2015).

Оценивание моделей происходило в несколько этапов. Сначала была построена модель, включающая базовые социально-демографические характеристики, затем в нее были включены дополнительные характеристики занятости, а на третьем этапе — дополнительные характеристики материнства (факт рождения первого ребенка в определенном возрастном интервале).

Интересующая переменная факта материнства (вообще или в определенном возрасте для первого рождения) оценивалась либо как фиктивная переменная (0 — нет детей, 1 — хотя бы один ребенок), либо как набор фиктивных переменных, отражающий факт рождения первого ребенка в определенном интервале (1 — рождение первого ребенка до 24 / 25–29 /

³ «Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS HSE)», проводимый Национальным исследовательским университетом Высшей школой экономики и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН. (Сайты обследования RLMS-HSE: <http://www.hse.ru/rlms>, <https://rlms-hse.cpc.unc.edu>).

после 30 лет, 0 — отсутствие этого рождения). Для контроля на возникновение «штрафа» за рождение детей последующих очередностей включалась переменная, принимающая значение 1, если такое рождение на протяжении наблюдения произошло, и 0 в противном случае. Информация о возрасте первого ребенка (в анализ включались только родные дети) бралась из опросника по домохозяйствам, остальные характеристики респонденток — из личного опросника. Для женщин, у которых детей нет, переменная возраста первого ребенка принимала значение 0 (аналогично было в (Doren, 2019)). Таким образом, если у женщин не рождался первый ребенок и не изменялось значение этой переменной — на оценку регрессионного коэффициента они не влияли (Allison, 2005).

Возраст и образование были включены как переменные взаимодействия между категориальной переменной возраста женщины и уровнем достигнутого ею образования (среднее общее образование и ниже, среднее профессиональное образование, высшее образование). Такой способ построения переменной обусловлен тем, что кривые роста заработной платы после выхода на рынок труда различаются для разного уровня образования (Гимпельсон, Капелюшников, 2020), и выбранная модель не подходит для оценки влияния инвариантных переменных (а к 20–24 годам большинство женщин достигает конечного для себя уровня образования).

Брачный статус также оценивался бинарной переменной, которая принимала значение 1, если женщина состоит в браке (как официальном, так и не зарегистрированном), и 0 — в противном случае (включая разведенных и овдовевших).

Среди характеристик занятости женщины использовалась фиктивная переменная статуса занятости, полученная из вопроса: «Ваше основное занятие в настоящее время. Вы сейчас работаете, Вы находитесь в оплачиваемом или неоплачиваемом отпуске или у Вас нет работы?». Если женщина находится в декретном отпуске или отпуске по уходу за ребенком до 3-х лет, переменная принимает значение 0. В остальных случаях (кроме категории женщин без работы, они не включены в анализ) переменная принимает значение 1. Включение этой переменной необходимо, поскольку для официально трудоустроенной женщины пособие по уходу за ребенком до 1.5 лет составляет 40% среднего заработка, что может завысить оценки «штрафа за материнство».

Для учета влияния возможного самоотбора в материнство, а именно, выбора типа занятости, лучше всего совместимого с ролью матери, в модели была включена переменная, равная 1, если есть подчиненные на основном месте работы, и 0, если подчиненных нет. А в качестве контрольных переменных — переменная официального трудоустройства («Скажите, пожалуйста, Вы оформлены на этой работе официально, то есть по трудовой книжке, трудовому соглашению, контракту?», 0 — нет, 1 — да), стаж, вычисленный из даты начала работы на данном рабочем месте. Описательные статистики включенных переменных и число женщин по возрастным группам на момент рождения первого ребенка за период наблюдений представлены в Приложении.

4. Результаты

Распределение сформированной выборки женщин по факту наличия детей и таймингу первого рождения, построенное для последнего наблюдения в панельной выборке, представлено в таблицах 1 и 2. С увеличением возраста доля бездетных значительно снижается с 78.3% в самой молодой возрастной группе до 9.5% при минимальном уровне бездетности.

Таблица 1. Распределение женщин по возрасту и наличию детей

Возраст	Нет детей, число	% без детей
20–24	985	78.3
25–29	783	48.9
30–34	376	22.8
35–39	215	9.7
40–44	114	9.5
Всего	2473	31.2

Больше 60% первых рождений в рассматриваемой выборке приходится на возраст до 24 лет включительно, порядка 30% — в 25–29 лет и еще 8% первых рождений произошли после достижения женщинами 30-летнего возраста.

Таблица 2. Распределение женщин по возрасту рождения первого ребенка

Возраст	Число рождений	% от всех рождений
До 24	3396	62.2
25–29	1601	29.3
После 30	459	8.4

Расчеты по данным РМЭЗ показывают, что средняя заработная плата бездетных женщин значительно больше заработной платы женщин с детьми в возрасте от 21 года до 38 лет (сравнение средних на уровне значимости $p < 0.05$ по t -критерию Стьюдента), а в более старших возрастах статистические различия между средними исчезают, показатели сравниваются (рис. 2). Наибольшая разница в заработных платах наблюдается в 24–27 лет, где она составляет порядка 30%. В среднем по выборке женщины с детьми получают меньше на 8.5% — 27264 против 29790 руб.

Наблюдаемые различия дифференцированы по возрасту рождения первого ребенка (рис. 3). До достижения возраста 40 лет бездетные женщины в среднем получают более высокую зарплату, чем женщины, родившие первого ребенка в возрасте до 25 лет. Между матерями, родившими первенца в 25–29 лет, значимые различия в пользу бездетных наблюдаются в интервале от 25 до 39 лет (на уровне значимости $p < 0.05$, использовался t -критерий Стьюдента). При первом рождении после 30 лет оплата труда будет ниже, чем у бездетных в 30–34 года и 35–39 лет. При этом в 30–39 лет женщины, родившие после 25 лет, выигрывают в заработной плате у тех, кто родил первенца до 25 лет, а родившие после 30 лет выигрывают у самых молодых матерей на интервале 35–39 лет.

В таблице 3 представлены результаты оценивания регрессионных моделей. В первые две модели включена бинарная переменная родительства, принимающая значение 1 при рождении первого ребенка и 0 в противном случае. Модель показывает, что женщины с детьми получают на 14% меньше, чем бездетные женщины. При уточнении модели и включении дополнительных переменных, характеризующих занятость, «штраф за материнство» незначительно уменьшается и составляет 13.8%.

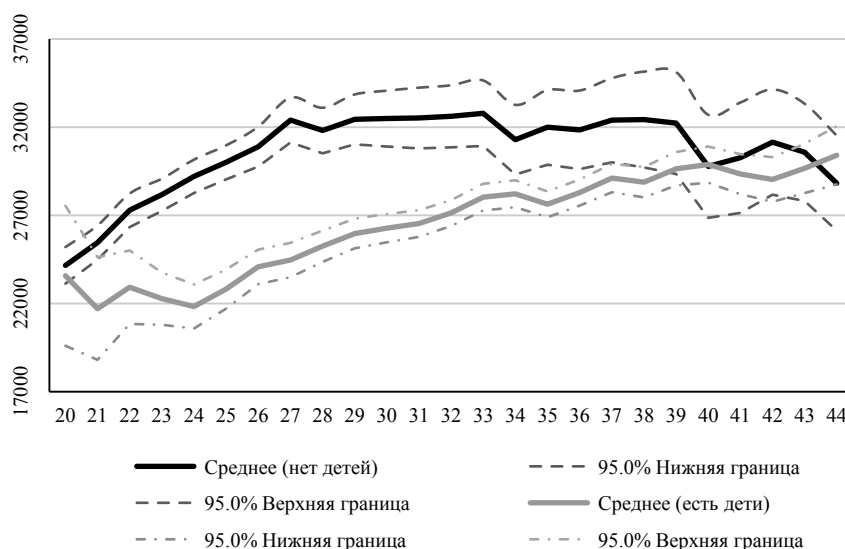


Рис. 2. Средняя заработная плата женщин с детьми или без детей (до 18 лет)

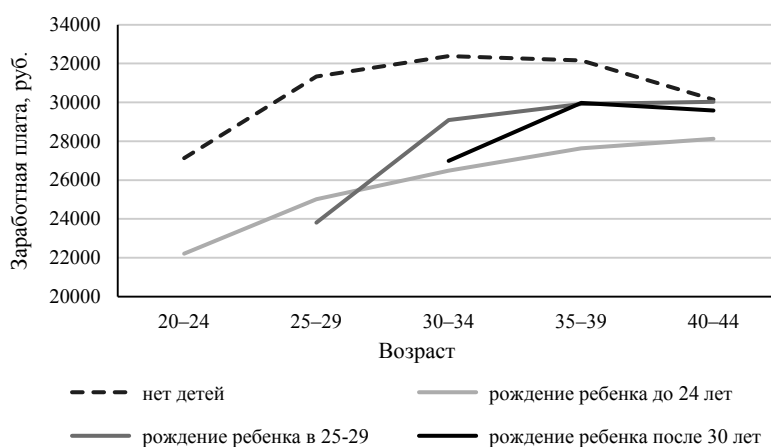


Рис. 3. Средняя заработная плата женщин по возрасту рождения первого ребенка

Результаты третьей спецификации модели показывают, что потери в заработной плате различаются в зависимости от возраста рождения первого ребенка. Так, матери, родившие первенца до 24 лет, сталкиваются со «штрафом за материнство» в размере 7%, а родившие первенца в 25–29 лет — в размере 17.2%. Рождение первого ребенка после 30 лет сопряжено с потерями в заработной плате порядка 13%.

Стоит отметить, что не только рождение первого ребенка отрицательно сказывается на заработной плате, но и факт рождения последующих детей также приводит к потере в заработной плате в размере 11–12%. Но с взрослением ребенка заработная плата восстанавливается, и каждый следующий год после рождения первенца увеличивает заработную плату

Таблица 3. Результаты регрессионного моделирования для оценки «штрафа за материнство»

Переменные	Модель 1. Без характеристик детей и занятости	Модель 2. Без характеристик детей и с характеристиками занятости	Модель 3. С характеристиками детей и занятости
Наличие детей (реф. — нет детей)	–0.14*** (0.015)	–0.138*** (0.015)	
<i>Возраст рождения первого ребенка (реф. — нет детей)</i>			
До 24 лет			–0.071** (0.028)
25–29			–0.172*** (0.019)
После 30 лет			–0.131*** (0.023)
Рождение второго и последующий детей (реф. — нет)	–0.118*** (0.013)	–0.116*** (0.013)	–0.117*** (0.013)
Наличие партнера (реф. — нет)	0.014 (0.009)	0.014 (0.009)	0.014 (0.009)
Занятость (реф. — в декретном отпуске)	0.122*** (0.009)	0.127*** (0.009)	0.127*** (0.009)
Возраст первого ребенка	0.02*** (0.002)	0.019*** (0.002)	0.019*** (0.002)
<i>Образование × (Возрастная группа) (реф. — (Ниже среднего профессионального) × (20–24))</i>			
(Ниже среднего профессионального) × (25–29)	0.113*** (0.016)	0.107*** (0.016)	0.105*** (0.016)
(Ниже среднего профессионального) × (30–34)	0.162*** (0.019)	0.154*** (0.019)	0.153*** (0.019)
(Ниже среднего профессионального) × (35–39)	0.2*** (0.024)	0.194*** (0.024)	0.195*** (0.024)
(Ниже среднего профессионального) × (40–44)	0.209*** (0.031)	0.201*** (0.031)	0.202*** (0.031)
(Среднее профессиональное) × (20–24)	0.046** (0.018)	0.047** (0.019)	0.047** (0.018)
(Среднее профессиональное) × (25–29)	0.145*** (0.019)	0.143*** (0.019)	0.141*** (0.019)
(Среднее профессиональное) × (30–34)	0.211*** (0.021)	0.209*** (0.021)	0.209*** (0.021)
(Среднее профессиональное) × (35–39)	0.244*** (0.024)	0.239*** (0.024)	0.24*** (0.024)
(Среднее профессиональное) × (40–44)	0.28*** (0.031)	0.274*** (0.032)	0.275*** (0.032)
Высшее × (20–24)	0.131*** (0.021)	0.13*** (0.021)	0.124*** (0.021)
Высшее × (25–29)	0.247*** (0.019)	0.243*** (0.019)	0.24*** (0.019)

Окончание табл. 3

О. А. Родина

Переменные	Модель 1. Без характеристик детей и занятости	Модель 2. Без характеристик детей и с характеристиками занятости	Модель 3. С характеристиками детей и занятости
Высшее × (30–34)	0.311*** (0.021)	0.305*** (0.021)	0.305*** (0.021)
Высшее × (35–39)	0.327*** (0.024)	0.317*** (0.024)	0.319*** (0.024)
Высшее × (40–44)	0.343*** (0.029)	0.332*** (0.029)	0.334*** (0.029)
Статус трудоустройства (реф. — не официально)		0.022** (0.009)	0.022** (0.009)
Наличие подчиненных (реф. — нет)		0.066*** (0.008)	0.066*** (0.008)
Стаж работы на предприятии		0.001 (0.001)	0.001 (0.001)
Константа	9.788*** (0.019)	9.754*** (0.021)	9.735*** (0.022)
Число индивидов	7658	7635	7635
Число включенных наблюдений	35846	35541	35541
R^2	0.097	0.1	0.1
Rho	0.73	0.73	0.74

Примечание. *** — $p < 0.01$, ** — $p < 0.05$, * — $p < 0.10$. В скобках — стандартная ошибка. Реф. — референтная группа.

примерно на 2%. «Брачной» премии или другого значимого влияния брачного статуса на заработную плату не наблюдается.

Заработная плата женщин растет с возрастом (точнее, с накоплением стажа и человеческого капитала) во всех образовательных группах, при этом высшее образование во всех возрастных группах дает больший прирост по сравнению с другими достигнутыми уровнями образования.

Контрольные переменные занятости показали достаточно ожидаемые результаты: официальное трудоустройство, выход из отпуска по уходу за ребенком, наличие подчиненных на текущем месте трудоустройства положительно влияют на размер заработной платы.

5. Ограничения

При оценке представленных результатов надо иметь в виду, что в используемых моделях не оценивается, например, доход партнера, который также может в какой-то мере определять решения женщины по поводу собственного трудоустройства, а также участие родственников в выполнении функций по уходу за детьми, что может значительно облегчать задачу совмещения карьеры и материнства. Хотя в моделях включена переменная декретного отпуска, дизайн исследования не позволяет точно проследить, через какое время после рождения ребенка «штраф» исчезает. Тем самым, невозможно сделать вывод о том,

что наблюдаемые различия — лишь временная потеря в заработной плате, а не систематическая дискриминация матерей на российском рынке труда. Выбранный метод регрессии с фиксированными эффектами также имеет свои ограничения и не позволяет добавлять постоянные во времени переменные.

6. Дискуссия и выводы

Проведенные расчеты выявили, что «штраф за материнство» в России составляет 13.8%, однако он различен для женщин, реализующих первые рождения в разном возрасте, и минимален для женщин, родивших первенца до 25 лет (7%). Полученная итоговая оценка размера штрафа несколько выше, чем предыдущие оценки — на 5 п. п., чем оценка Ниворожкиной и др. (2007) для начала 2000-х гг., и на 10%, чем в работе (Бирюкова, Макаренцева, 2017) для середины 2010-х гг. Значительные расхождения с последними оценками штрафа могут быть вызваны не только разными рассматриваемыми периодами, но и методом оценки, а именно, использованием панельной регрессии с фиксированными эффектами, а не сплошной регрессией с контролем в селекцию материнства.

Больше всего в заработной плате теряют матери, которые рожают первого ребенка в интервале 25–29 лет (17%). При рождении ребенка после 30 лет «штраф за материнство» уменьшается и составляет 13%.

Тайминг первых рождений показывает, что вплоть до когорт начала 1970-х гг. примерно 75–80% женщин родили первого ребенка до 25 лет, и еще 10% — до 30 лет (рис. 4а). Когорты 1970-х и 1980-х гг. рождения начинают откладывать первые рождения, для последних из них к 25 годам на 1 женщину приходится 0.53 ребенка, к 30 — 0.74, а к 35 — 0.84, т. е. все больше женщин с детьми «попадает под действие» самого большого «штрафа за материнство». Если рассмотреть рождаемость условных поколений (рис. 4б), то также увидим, что поскольку

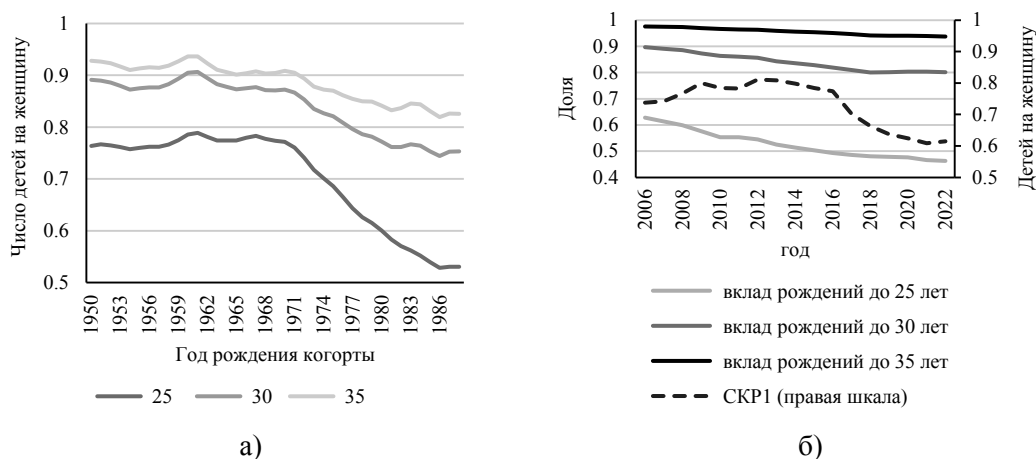


Рис. 4. Коэффициенты рождаемости первых детей:

- а) накопленное число первых рождений к 25, 30, 35 годам для женских когорт, детей на женщину; б) вклад рождений до 25, 30, 35 лет в СКР условных поколений для первых рождений

первые рождения откладываются, доля женщин с минимальным «штрафом за материнство» становится все меньше (вклад первых рождений до 25 лет в СКР снижается с 60 до 46%), а с максимальным растет (с 27 до 34%). Однако и вклад рождений после 30 лет в СКР первых рождений увеличивается — с 10 до 20%, что несколько сглаживает растущее неравенство.

Почему же существует разница в «штрафе за материнство» при различном возрасте рождения первого ребенка? В первые годы после выхода на рынок труда после получения образования значителен потенциал роста заработной платы, что характерно и для российских данных (Гимпельсон, Капелюшников, 2020). Поэтому закрепление на рынке труда на раннем карьерном этапе важно для сохранения роста заработной платы. Особенно это важно для высокообразованных женщин, у которых темп роста заработной платы в первые годы выхода на рынок труда еще выше (а значит, выше косвенные издержки из-за рождения ребенка в этот период) (Mills et al., 2011). Те женщины, которые решаются на рождение ребенка до 24 лет, по всей видимости, имеют меньший «штраф» за счет «низкой базы» — заработная плата как женщин с детьми, так и бездетных, в этих возрастах ниже, чем в других, т.к. релевантный опыт еще не получен, и период активного роста заработка прожить они еще не успели.

Предыдущие исследования показывают, что эффекты на заработную плату от откладывания рождения могут отличаться для женщин с разным уровнем образования. Для высокообразованных женщин позднее рождение первенца часто сопряжено с меньшим «штрафом за материнство», а для менее образованных, с более низким уровнем квалификации, подобного влияния не обнаружено (Doren, 2019; Landivar, 2020). В настоящей работе не строились отдельные модели по уровню образования, однако можно предполагать, что выбранный тайминг рождения первенца сильно сопряжен с уровнем образования — откладывают рождение чаще высокообразованные женщины (Архангельский, Калачикова, 2020).

Исследователи считают, что женщины, родившие первого ребенка позже, накопили больше опыта, навыков, способных компенсировать им дополнительную нагрузку, связанную с рождением ребенка, и, следовательно, им меньше нужно изменять свои трудовые усилия (Yu, Куо, 2024). Работы, выполненные с использованием качественных методов, подтверждают, что в глазах женщин достигнутый уровень в профессии позволяет уходить в декретный отпуск с уверенностью в сохранении рабочего места (Пишняк, Надеждина, 2020). Помимо этого, сам рост заработной платы может стимулировать рождение ребенка (Doren, 2019).

Поскольку работодатели нередко при приеме на работу заявляют о нежелательности ухода в декретный отпуск, женщины могут сразу искать такую работу, где риск потери дохода и рабочего места будет минимален (Пишняк, Надеждина, 2020). Это также может объяснять меньший штраф за материнство у женщин с первыми рождениями после 30 лет.

Еще одно возможное объяснение уменьшения «штрафа за материнство» при рождении ребенка после 30 лет состоит в следующем. При достаточно низком уровне бездетности (российские когорты на рубеже 1960-х и 1970-х гг. имеют бездетность на уровне 8–10%⁴ против среднеевропейских 14–15% (Beaujouan et al., 2017)) рождение первенца к 30 годам и позднее — ожидаемое в общем правиле явление. Совокупность того, что бездетность все еще остается социально нежелательным, неодобряемым выбором (Макаренцева и др., 2021), и того, что к 30 годам женщины обладают более устойчивым положением по сравнению с началом карьеры, может приводить к смягчению «штрафа за материнство».

⁴ Росстат — Итоги ВПН-2020. Том 9. Рождаемость. https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom9_Rozhdaemost.

Обнаруженные различия в заработной плате женщин в зависимости от тайминга рождения первого ребенка не облегчают ролевой конфликт между семьей и работой. Откладывание рождения, ведущее к меньшим потерям в заработной плате и меньшим рискам бедности, может увеличивать шансы недостижения желаемого числа детей в семье (Schmidt et al., 2012). А раннее рождение до 25 лет, пусть и сопряженное с минимальным «штрафом за материнство», также связано с самыми низкими заработными платами, что может ухудшать экономическое благополучие семьи.

Выбор того или иного возраста рождения первенца сам по себе может быть обусловлен различными факторами — окончанием получения желаемого уровня образования, наличием подходящего партнера, проживанием в городской или сельской местности, наличием поддержки от собственных родителей и т. д. Полученные результаты показывают, что необходимы дополнительные исследования факторов, приводящих к рождению ребенка в том или возрасте.

Благодарности. Данное исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

Список литературы

- Арженовский С. В., Артамонова Д. В. (2007). Оценка потерь в зарплате женщин с детьми. *Прикладная эконометрика*, 7 (3), 66–79.
- Архангельский В. Н., Калачикова О. Н. (2020). Возраст матери при рождении первого ребенка: динамика, региональные различия, детерминация. *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*, 13 (5), 200–217. DOI: 10.15838/esc.2020.5.71.12.
- Бирюкова С. С., Макаренцева А. О. (2017). Оценки «штрафа за материнство» в России. *Население и экономика*, 1 (1), 50–70. DOI: 10.3897/porecon.1.e36032.
- Гимпельсон В. Е., Капелюшников Р. И. (ред.) (2020). *Российский рынок труда через призму демографии*. М.: Изд. дом Высшей школы экономики.
- Захаров С. В. (2023). История рождаемости в России: от поколения к поколению. *Демографическое обозрение*, 10 (1), 4–43. DOI: 10.17323/demreview.v10i1.17259.
- Калабихина И. Е., Кузнецова П. О. (2022). Кому (не) нужен трехлетний отпуск по уходу за ребенком? *Демографическое обозрение*, 9 (3), 24–43. DOI: 10.17323/demreview.v9i3.16468.
- Колесник Д. П., Пестова А. А., Донина А. Г. (2021). Что (же) делать с занятостью женщин с детьми в России? Роль дошкольных образовательных учреждений. *Вопросы экономики*, 12, 94–117. DOI: 10.32609/0042-8736-2021-12-94-117.
- Макаренцева А. О., Галиева Н. И., Рогозин Д. М. (2021). (Не)желание иметь детей в зеркале опросов населения. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, 4, 492–515. DOI: 10.14515/monitoring.2021.4.1871.
- Ниворожкина Л. И., Ниворожкин А. М., Арженовский С. В. (2007). Неравенство в заработках женщин: виноваты ли дети? *Вестник Таганрогского института управления и экономики*, 2, 11–13.
- Родионова Л. А. (2013). Эконометрический анализ влияния смены семейного статуса на заработную плату в России. *Прикладная эконометрика*, 31 (3), 79–98.

- Amuedo-Dorantes C., Kimmel J. (2005). The motherhood wage gap for women in the United States: The importance of college and fertility delay. *Review of Economics of the Household*, 3, 17–48. DOI: 10.1007/s11150-004-0978-9.
- Anderson D. J., Binder M., Krause K. (2003). The motherhood wage penalty revisited: Experience, heterogeneity, work effort, and work-schedule flexibility. *Industrial and Labor Relations Review*, 56 (2), 273–294. DOI: 10.2307/3590938.
- Beaujouan É., Sobotka T., Brzozowska Z., Zeman K. (2017). Has childlessness peaked in Europe? *Population & Societies*, 540, 1–4. DOI: 10.3917/popsoc.540.0001.
- Becker G. S. (1985). Human capital, effort, and the sexual division of labor. *Journal of Labor Economics*, 3, 23–56. DOI: 10.1086/298075.
- Blackburn M. L., Bloom D. E., Neumark D. (1993). Fertility timing, wages, and human capital. *Journal of Population Economics*, 6 (1), 1–30.
- Budig M. J., England P. (2001). The wage penalty for motherhood. *American Sociological Review*, 66 (2), 204–225. DOI: 10.2307/2657415.
- Budig M. J., Hodges M. J. (2010). Differences in disadvantage: Variation in the motherhood penalty across white women's earnings distribution. *American Sociological Review*, 75 (5), 705–728. DOI: 10.1177/0003122410381593.
- Budig M. J., Misra J., Boeckmann I. (2012). The motherhood penalty in cross-national perspective: The importance of work-family policies and cultural attitudes. *Social Politics: International Studies in Gender, State & Society*, 19 (2), 163–193. DOI: 10.1093/sp/jxs006.
- Budig M. J., Misra J., Boeckmann I. (2016). Work-family policy trade-offs for mothers? Unpacking the cross-national variation in motherhood earnings penalties. *Work and Occupations*, 43(2), 119–177. DOI: 10.1177/07308884156153.
- Doren C. (2019). Which mothers pay a higher price? Education differences in motherhood wage penalties by parity and fertility timing. *Sociological Science*, 6, 684–709. DOI: 10.15195/v6.a26.
- Duvivier C., Narcy M. (2015). The motherhood wage penalty and its determinants: A public–private comparison. *Labour*, 29 (4), 415–443. DOI: 10.1111/labr.12057.
- Evertsson M., Duvander A. Z. (2011). Parental leave — possibility or trap? Does family leave length effect Swedish women's labour market opportunities? *European Sociological Review*, 27 (4), 435–450. DOI: 10.1093/esr/jcq018.
- Glauber R. (2012). Women's work and working conditions: Are mothers compensated for lost wages? *Work and Occupations*, 39 (2), 115–138. DOI: 10.1177/07308884114229.
- Gough M., Noonan M. (2013). A review of the motherhood wage penalty in the United States. *Sociology Compass*, 7 (4), 328–342. DOI: 10.1111/soc4.12031.
- Grimshaw D., Rubery J. (2015). The motherhood pay gap. *International Labour Organization*, 57 (1), 1–69.
- Kahn J. R., García-Manglano J., Bianchi S. M. (2014). The motherhood penalty at midlife: Long-term effects of children on women's careers. *Journal of Marriage and the Family*, 76 (1), 56–72. DOI: 10.1111/jomf.12086.
- Kalabikhina I. E., Kuznetsova P. O., Zhuravleva S. A. (2024). Size and factors of the motherhood penalty in the labour market: A meta-analysis. *Population and Economics*, 8 (2), 178–205. DOI: 10.3897/popecon.8.e121438.

- Kalist D. E. (2007). Does motherhood affect productivity, relative performance, and earnings? *Journal of Labor Research*, 29 (3), 219–235. DOI: 10.1007/s12122-007-9034-x.
- Keck W., Saraceno C. (2013). The impact of different social-policy frameworks on social inequalities among women in the European Union: The labour-market participation of mothers. *Social Politics*, 20 (3), 297–328. DOI: 10.1093/sp/jxt005.
- Kenworthy L. (2008). *Jobs with equality*. Oxford: Oxford Academic.
DOI: 10.1093/acprof:oso/9780199550593.001.0001.
- Killewald A., Gough M. (2013). Does specialization explain marriage penalties and premiums? *American Sociological Review*, 78 (3), 477–502. DOI: 10.1177/0003122413484151.
- Lebedinski L., Perugini C., Vladislavljević M. (2023). Child penalty in Russia: Evidence from an event study. *Review of Economics of the Household*, 21 (1), 173–215. DOI: 10.1007/s11150-022-09604-y.
- Lundberg S., Rose E. (2000). Parenthood and the earnings of married men and women. *Labour Economics*, 7 (6), 689–710. DOI: 10.1016/s0927-5371(00)00020-8.
- Miller A. R. (2011). The effects of motherhood timing on career path. *Journal of Population Economics*, 24 (3), 1071–1100. DOI: 10.1007/s00148-009-0296-x.
- Mincer J., Polachek S. (1974). Family investments in human capital: Earnings of women. *Journal of Political Economy*, 82 (2), 76–108.
- Pettit B., Hook J. L. (2005). The structure of women's employment in comparative perspective. *Social Forces*, 84 (2), 779–801. DOI: 10.1353/sof.2006.0029.
- Schmidt L., Sobotka T., Bentzen J. G., Nyboe Andersen A. (2012). Demographic and medical consequences of the postponement of parenthood. *Human Reproduction Update*, 18 (1), 29–43. DOI: 10.1093/humupd/dmr040.
- Self S. (2005). What makes motherhood so expensive? The role of social expectations, interdependence, and coordination failure in explaining lower wages of mothers. *Journal of Socio-Economics*, 34 (6), 850–865. DOI: 10.1016/j.socec.2005.07.021.
- Taniguchi H. (1999). The timing of childbearing and women's wages. *Journal of Marriage and the Family*, 61 (4), 1008–1019. DOI: 10.2307/354020.
- Van Roode T., Sharples K., Dickson N., Paul C. (2017). Life-course relationship between socioeconomic circumstances and timing of first birth in a birth cohort. *PloS one*, 12 (1). DOI: 10.1371/journal.pone.0170170.
- Waldfoegel J., Blank R. M., England P. (1997). Working mothers then and now: A cross-cohort analysis of the effects of maternity leave on women's pay. In: Blau F. D., Ehrenberg R. G. (eds.). *Gender and Family Issues in the Workplace*, 92–132. Russell Sage Foundation.
- Wilde E., Batchelder L. L., Ellwood D. T. (2010). The mommy track divides: The impact of childbearing on wages of women of differing skill levels. *NBER Working Paper* 16582. National Bureau of Economic Research.
- Yu W., Kuo J. (2024). Research note: New evidence on the motherhood wage penalty. *Demography*, 61 (2), 231–250. DOI: 10.1215/00703370-11218936.

Поступила в редакцию 20.12.2025;
принята в печать 15.04.2026

Приложение

О. А. Родина

Таблица П1. Описательные статистики используемых переменных

Название переменной	Категории	Число наблюдений	%	Среднее, лет
5-летние возрастные группы	20–24	1258	15.9	
	25–29	1601	20.2	
	30–34	1650	20.8	
	35–39	2226	28.1	
	40–44	1194	15.1	
Статус материнства	Есть дети	5456	68.8	
	Нет детей	2473	31.2	
Возраст первого ребенка		7929		8.3
Семейное положение	Не состоит в браке	2540	32.1	
	Состоит в браке	5384	67.9	
Уровень образования	Среднее и ниже	2309	29.1	
	Среднее профессиональное	2152	27.2	
	Высшее	3459	43.7	
Статус занятости	В декретном отпуске	811	10.2	
	Работает	7118	89.8	
Стаж работы на предприятии		7833		4.9
Есть ли подчиненные	Нет	6525	82.6	
	Да	1377	17.4	
Тип занятости	Неформальная занятость	1198	15.1	
	Официальная занятость	6731	84.9	

Таблица П2. Число женщин по возрастам первого рождения за период наблюдений (2006–2022)

Возрастная группа	Число наблюдений
20–24 года	238
25–29 лет	397
После 30 лет	189
Всего рождений	824

Rodina O. A. “Motherhood penalty”: The impact of age at first birth on women’s wages. *Applied Econometrics*, 2026, v. 82, pp. 86–104.

DOI: 10.22394/1993-7601-2026-82-86-104

Olga Rodina

HSE University, Moscow, Russian Federation;
oarodina@hse.ru

“Motherhood penalty”: The impact of age at first birth on women’s wages

This article examines the relationship between the age of first birth and the value of the “motherhood penalty” in wages. The author constructs a fixed-effects panel regression using panel data from the Russia Longitudinal Monitoring Survey (waves from 2006 to 2022). The study finds that having a child leads to a 12.7 per cent decrease in wages. Furthermore, the author observes that the largest difference occurs among women who had their first child between the ages of 25 and 30 is 17 per cent, while among those who became mothers before the age of 25, it is 7 per cent, and among those who did so after the age of 30, it is 11.7 per cent.

Keywords: motherhood penalty; age of first child; employment of women with children; women’s wages; RLMS HSE.

JEL classification: J13; J31.

Funding. This article is an output of a research project implemented as part of the Basic Research Program at HSE University.

References

- Arzhenovskiy S. V., Artamonova D. V. (2007). Econometric estimation of the wage penalty for the motherhood. *Applied Econometric*, 7 (3), 66–79 (in Russian).
- Arkhangel’skiy V. N., Kalachikova O. N. (2020). Maternal age at first birth: Dynamics, regional differences, determination. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 13 (5), 200–217 (in Russian). DOI: 10.15838/esc.2020.5.71.12.
- Biryukova S., Makarentseva A. (2017). Estimates of the motherhood penalty in Russia. *Population and Economics*, 1 (1), 50–70 (in Russian). DOI: 10.3897/popecon.1.e36032.
- Gimpelson V. E., Kapeliushnikov R. (eds.) (2020). *The Russian labor market through the prism of demography*. M.: Higher School of Economics Publishing House (in Russian).
- Kalabikhina I., Kuznetsova P. (2022). Who needs (or doesn’t) three years of parental leave? *Demographic Review*, 9 (3), 24–43 (in Russian). DOI: 10.17323/demreview.v9i3.16468.
- Kolesnik D. P., Pestova A. A., Donina A. G. (2021). What should we do about the employment of women with children in Russia? The role of preschool educational institutions. *Voprosy Ekonomiki*, 12, 94–117 (in Russian). DOI: 10.32609/0042-8736-2021-12-94-117.
- Makarentseva A. O., Galieva N. I., Rogozin D. M. (2021). Desire (not) to have children in the population surveys. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 4, 492–515 (in Russian). DOI: 10.14515/monitoring.2021.4.1871.
- Nivorozhkina L. I., Nivorozhkin A. M., Arzhenovskiy S. V. (2007). Inequality in women’s earnings: Are children to blame? *Vestnik Taganrogskogo Instituta Upravleniya i Ekonomiki*, 2, 11–13 (in Russian).

- Rodionova L. (2013). Econometric analysis of the effect of marital status change on wages in Russia. *Applied Econometrics*, 31 (3), 79–98 (in Russian).
- Zakharov S. (2023). The history of fertility in Russia: From generation to generation. *Demographic Review*, 10 (1), 4–43 (in Russian). DOI: 10.17323/demreview.v10i1.17259.
- Amuedo-Dorantes C., Kimmel J. (2005). The motherhood wage gap for women in the United States: The importance of college and fertility delay. *Review of Economics of the Household*, 3, 17–48. DOI: 10.1007/s11150-004-0978-9.
- Anderson D. J., Binder M., Krause K. (2003). The motherhood wage penalty revisited: Experience, heterogeneity, work effort, and work-schedule flexibility. *Industrial and Labor Relations Review*, 56 (2), 273–294. DOI: 10.2307/3590938.
- Beaujouan É., Sobotka T., Brzozowska Z., Zeman K. (2017). Has childlessness peaked in Europe? *Population & Societies*, 540, 1–4. DOI: 10.3917/popsoc.540.0001.
- Becker G. S. (1985). Human capital, effort, and the sexual division of labor. *Journal of Labor Economics*, 3, 23–56. DOI: 10.1086/298075.
- Blackburn M. L., Bloom D. E., Neumark D. (1993). Fertility timing, wages, and human capital. *Journal of Population Economics*, 6 (1), 1–30.
- Budig M. J., England P. (2001). The wage penalty for motherhood. *American Sociological Review*, 66 (2), 204–225. DOI: 10.2307/2657415.
- Budig M. J., Hodges M. J. (2010). Differences in disadvantage: Variation in the motherhood penalty across white women's earnings distribution. *American Sociological Review*, 75 (5), 705–728. DOI: 10.1177/0003122410381593.
- Budig M. J., Misra J., Boeckmann I. (2012). The motherhood penalty in cross-national perspective: The importance of work-family policies and cultural attitudes. *Social Politics: International Studies in Gender, State & Society*, 19 (2), 163–193. DOI: 10.1093/sp/jxs006.
- Budig M. J., Misra J., Boeckmann I. (2016). Work-family policy trade-offs for mothers? Unpacking the cross-national variation in motherhood earnings penalties. *Work and Occupations*, 43(2), 119–177. DOI: 10.1177/07308884156153.
- Doren C. (2019). Which mothers pay a higher price? Education differences in motherhood wage penalties by parity and fertility timing. *Sociological Science*, 6, 684–709. DOI: 10.15195/v6.a26.
- Duvivier C., Narcy M. (2015). The motherhood wage penalty and its determinants: A public–private comparison. *Labour*, 29 (4), 415–443. DOI: 10.1111/labr.12057.
- Evertsson M., Duvander A. Z. (2011). Parental leave — possibility or trap? Does family leave length effect Swedish women's labour market opportunities? *European Sociological Review*, 27 (4), 435–450. DOI: 10.1093/esr/jcq018.
- Glauber R. (2012). Women's work and working conditions: Are mothers compensated for lost wages? *Work and Occupations*, 39 (2), 115–138. DOI: 10.1177/07308884114229.
- Gough M., Noonan M. (2013). A review of the motherhood wage penalty in the United States. *Sociology Compass*, 7 (4), 328–342. DOI: 10.1111/soc4.12031.
- Grimshaw D., Rubery J. (2015). The motherhood pay gap. *International Labour Organization*, 57 (1), 1–69.
- Kahn J. R., García-Manglano J., Bianchi S. M. (2014). The motherhood penalty at midlife: Long-term effects of children on women's careers. *Journal of Marriage and the Family*, 76 (1), 56–72. DOI: 10.1111/jomf.12086.

- Kalabikhina I. E., Kuznetsova P. O., Zhuravleva S. A. (2024). Size and factors of the motherhood penalty in the labour market: A meta-analysis. *Population and Economics*, 8 (2), 178–205. DOI: 10.3897/popecon.8.e121438.
- Kalist D. E. (2007). Does motherhood affect productivity, relative performance, and earnings? *Journal of Labor Research*, 29 (3), 219–235. DOI: 10.1007/s12122-007-9034-x.
- Keck W., Saraceno C. (2013). The impact of different social-policy frameworks on social inequalities among women in the European Union: The labour-market participation of mothers. *Social Politics*, 20 (3), 297–328. DOI: 10.1093/sp/jxt005.
- Kenworthy L. (2008). *Jobs with equality*. Oxford: Oxford Academic. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780199550593.001.0001.
- Killewald A., Gough M. (2013). Does specialization explain marriage penalties and premiums? *American Sociological Review*, 78 (3), 477–502. DOI: 10.1177/0003122413484151.
- Lebedinski L., Perugini C., Vladislavljević M. (2023). Child penalty in Russia: Evidence from an event study. *Review of Economics of the Household*, 21 (1), 173–215. DOI: 10.1007/s11150-022-09604-y.
- Lundberg S., Rose E. (2000). Parenthood and the earnings of married men and women. *Labour Economics*, 7 (6), 689–710. DOI: 10.1016/S0927-5371(00)00020-8.
- Miller A. R. (2011). The effects of motherhood timing on career path. *Journal of Population Economics*, 24 (3), 1071–1100. DOI: 10.1007/s00148-009-0296-x.
- Mincer J., Polachek S. (1974). Family investments in human capital: Earnings of women. *Journal of Political Economy*, 82 (2), 76–108.
- Pettit B., Hook J. L. (2005). The structure of women's employment in comparative perspective. *Social Forces*, 84 (2), 779–801. DOI: 10.1353/sof.2006.0029.
- Schmidt L., Sobotka T., Bentzen J. G., Nyboe Andersen A. (2012). Demographic and medical consequences of the postponement of parenthood. *Human Reproduction Update*, 18 (1), 29–43. DOI: 10.1093/humupd/dmr040.
- Self S. (2005). What makes motherhood so expensive? The role of social expectations, interdependence, and coordination failure in explaining lower wages of mothers. *Journal of Socio-Economics*, 34 (6), 850–865. DOI: 10.1016/j.socec.2005.07.021.
- Taniguchi H. (1999). The timing of childbearing and women's wages. *Journal of Marriage and the Family*, 61 (4), 1008–1019. DOI: 10.2307/354020.
- Van Roode T., Sharples K., Dickson N., Paul C. (2017). Life-course relationship between socioeconomic circumstances and timing of first birth in a birth cohort. *PloS one*, 12 (1). DOI: 10.1371/journal.pone.0170170.
- Waldfogel J., Blank R. M., England P. (1997). Working mothers then and now: A cross-cohort analysis of the effects of maternity leave on women's pay. In: Blau F. D., Ehrenberg R. G. (eds.). *Gender and Family Issues in the Workplace*, 92–132. Russell Sage Foundation.
- Wilde E., Batchelder L. L., Ellwood D. T. (2010). The mommy track divides: The impact of childbearing on wages of women of differing skill levels. *NBER Working Paper* 16582. National Bureau of Economic Research.
- Yu W., Kuo J. (2024). Research note: New evidence on the motherhood wage penalty. *Demography*, 61 (2), 231–250. DOI: 10.1215/00703370-11218936.

Received 20.12.2025; accepted 15.04.2026